

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

Заместитель директора, заведующая Отделом специальных исторических дисциплин

Доктор исторических наук

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Doctor of Science in History, Principal Research Fellow, Vice Director of the Institute

konovalova@igh.ru

**РАЗГРАНИЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ОПИСАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАМСКОЙ
ГЕОГРАФИИ***

В статье рассматривается один из ведущих способов землеописания в средневековой исламской географии — проведение границ (природных, этнографических, государственно-административных, социальных, лингвистических, религиозных) — и анализируется роль основных принципов разграничения в создании тех или иных образов пространства. Изучение практики разграничения ведется в трех разных масштабах — мировом, региональном и страновом. В первой части статьи рассмотрены конфигурации, которые в исламской географии приобрела унаследованная от античности система деления земной поверхности на широтные зоны-климаты, — она превратилась в инструмент деления ойкумены на зоны варварства и цивилизации. Во второй части проанализирован принцип религиозно-политического разграничения, позволивший исламским ученым выработать представление об имперском типе государства, выстроить иерархию мировых империй и осмыслить место исламских стран и народов в мировом геополитическом контексте. В третьей части исследованы возможности разграничения как средства обнаружения и фиксации нового. Этот вопрос рассмотрен на материале арабских описаний народа русов — от их первого появления на трансконтинентальных торговых путях в IX в. до процесса формирования их государства, запечатлевшегося в исламской географии X в. в виде образа «острова

русов». В заключении делается вывод о роли разграничения как универсального принципа в структурировании и интерпретации фактического материала исламскими географами, а также в выстраивании различных форматов его изложения.

Ключевые слова: исламская география, границы, Средние века, теория климатов, Византия, Восточная Европа, Ибн Хордадбех, Ибн Русте, школа ал-Балхи, ал-Идриси.

BORDERLINES AS A TOOL OF DESCRIPTION IN MEDIEVAL ISLAMIC GEOGRAPHY

The paper deals with one of the leading ways of world description in medieval Islamic geography — drawing borderlines (natural, ethnographic, administrative, social, linguistic, religious) — and examines the role of the basic principles of differentiation in the creation of various images of space. The practice of differentiation is studied in three different scales — global, regional and country. The first part of the paper examines the configurations that the ancient system of dividing the earth's surface in the latitudinal climate zones acquired in the Islamic geography — it has become a tool of ecumene division into zones of barbarism and civilization. The second part analyzes the principle of religious and political differentiation,

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

which allowed Islamic scholars to develop an idea of the imperial state, to build a hierarchy of world empires and to reflect on the place of Islamic countries and peoples in the world geopolitical context. In the third part the possibility of differentiation as a means of discovering and fixing the novelty is considered. This issue is discussed on the Arab descriptions of the Rus people — from their first appearance on the transcontinental trade routes in the 9th century to the process of formation of their state depicted by Islamic

geographers of the 10th century by means of the image of the “Island of the Rus”. A conclusion is made about the role of differentiation as a universal principle in structuring and interpretation of the source material, as well as in building various formats of presentation.

Key words: Islamic geography, borders, boundaries, the Middle ages, climate theory, Byzantium, Eastern Europe, Ibn Khurradadhbih, Ibn Rustah, the Balkhi school of geographers, al-Idrisi.

Средневековая исламская география по праву считается одной из наиболее значительных традиций землеописания. Арабо-персидские географы сумели собрать колоссальный объем новой информации о населявших землю народах. Халифат непосредственно граничил либо находился в близком соседстве с теми народами, о которых еще не было данных ни в античной, ни в библейской, ни в иранской традиции (или они были чрезвычайно скудны и неопределенны). Географический горизонт исламских ученых обнимал не только собственно мусульманские страны, но также всю Европу (за исключением ее крайнего севера), Китай, Тибет, Индию, Малайский архипелаг, берега Восточной Африки (до южного тропика); описание Центральной Африки исламскими географами оставалось непревзойденным вплоть до открытий европейских путешественников XIX века¹.

Однако значение средневековой исламской географии заключается не только в гигантском объеме накопленных ею фактических данных, но и в разработке многочисленных способов их презентации. Одним из важнейших средств описания

иноземных стран и народов служило проведение границ — природных, этнографических, государственно-административных, социальных, лингвистических, религиозных. Разные принципы разграничения позволяли исламским ученым выстраивать разные форматы изложения в зависимости от выбранного ими масштаба.

Мировой масштаб — универсальные границы

Общим способом организации пространства у исламских ученых была унаследованная ими от античной науки система деления земной поверхности на широтные зоны, так называемые *климаты* (от греч. *κλίμα*, букв. — «наклонение»; араб. *иклим*), выделявшиеся в зависимости от сравнительной длины светового дня на разной широте. Арабские астрономы и географы IX в., переводя на арабский язык и попутно перерабатывая сочинения александрийского ученого Клавдия Птолемея (II в. н.э.), взяли за основу его принцип деления земли на семь климатов. Для систематизации новых данных, выходивших за рамки птолемеевой ойкумены, они ввели дополнительные зоны к югу от первого и к северу от седьмого климатов. Эти дополнительные зоны не нарушали общей семичленной схемы, а просто фиксировали то, что и за пределами семи климатов есть жизнь.

В наиболее чистом виде система семи климатов отразилась в трудах ученых, работавших в

* Работа выполнена при финансовом содействии РНФ (проект № 14-18-02121).

¹ Общий очерк средневековой исламской географии см.: Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

жанре астрономической и математической географии, — ал-Хорезми, ал-Фаргани (оба — первая половина IX в.), ал-Баттани (первая треть X в.), Сухраба (первая половина X в.) и других. Их сочинения представляют собой собрания таблиц, в которых указаны, в порядке климатов, названия городов, гор, очертания береговых линий морей и островов, описание озер и течения рек. Название каждого географического объекта сопровождается указанием его координат в градусах и минутах.

Формально-астрономическое деление земной поверхности на климаты было лишено каких-либо историко-политических, религиозных или культурных коннотаций. И именно это, то есть ее сугубо формальный характер, облегчало взаимодействие теории климатов с другими идеями разного свойства, в результате чего в исламской географической литературе система семи климатов приобрела различные конфигурации, причем порой — с весьма далеко идущими последствиями.

Прежде всего, было проблематизировано происхождение климатов. Умозрительность границ, устанавливаемых делением земли на климаты, сомнению не подвергалась, но была сделана попытка «гуманизировать» границы климатов, уйдя от их естественнонаучного объяснения. Группа арабских ученых середины X в., называвшая себя «Чистыми братьями и верными друзьями» (*Iḥwān aṣ-ṣaḥābā wa ḥuḥlān al-waḥābā*), предложила рассматривать климаты как результат коллективной деятельности древних правителей по установлению и обустройству границ обитаемой земли. Согласно определению, данному в «Пятом послании Чистых братьев», климаты — это «воображаемые линии, которые провели первые цари, обошедшие вокруг обитаемой четверти земли, чтобы узнать в ней границы стран, царств и путей, наподобие ал-Искандара ар-Руми ал-Йунани², химйаритского тубба³, Афрйдунана ан-Набаṭи⁴, Ардашира ибн

Бабакана ал-Фариси⁵, Сулаймана ибн Да'уда ал-Исра'или⁶, да будет над ними обоими мир, и прочих царей»⁷. Таким образом получалось, что основой проведения границ между климатами была не разница в географической широте, а деятельность людей. При этом отсылка к прошедшим границам «первым царям» меняла статус самих границ, придавая им сакральный характер.

Желание осмыслить границы климатов в контексте «гуманитарной» географии побудило исламских ученых обратить внимание на арабские переводы трудов античных медиков Гиппократ и Галена, в частности, на их наблюдения над различными типами человеческого темперамента. Возник соблазн связать тип темперамента с местоположением его обладателей⁸. В результате жителям того или иного климата исламские авторы начали приписывать определенные телесные качества и черты характера, что с неизбежностью привело к переосмыслению характера границ между климатами, которые теперь стали рассматриваться как инструмент деления ойкумены на зоны варварства и зоны цивилизации.

Благодаря тому, что понятие «климат» получило ценностные коннотации, была выстроена иерархия климатов, согласно которой наиболее совершенные люди населяли самый благоприятный для жизни центральный, четвертый климат: «Этот климат — климат пророков и мудрецов, ибо он расположен в середине климатов; три из них лежат южнее, а три — севернее. Он находится в отделе Солнца, величайшего светила, и люди этого климата справедливейшие из людей по своим привычкам и природе. Затем за ними следуют жители

⁴ Легендарный иранский царь.

⁵ Ардашир I Сасанид (226–241).

⁶ Библейский царь Соломон.

⁷ Цит. по: Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подг. текстов и пер. В.В. Матвеева и Л.Е. Куббеля. М.; Л., 1960. С. 174.

⁸ На это обстоятельство впервые обратил внимание Азиз ал-Азмех: Al-Azmeh A. Barbarians in Arab eyes // Past and Present. 1992. Vol. 134. P. 3–18.

² Александр Македонский.

³ Титул царей Йемена в доисламский период.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

тех двух климатов, которые находятся по сторонам этого климата, то есть третьего и пятого, а что касается остальных климатов, то их жители страдают недостатком благородных привычек, ибо лица их гадки, а характеры их дики, подобно зинджам⁹ и ал-хабаша¹⁰ и большинству народов, которые находятся в климатах первом и втором, и подобно тем народам, которые располагаются в шестом и седьмом климатах, как Йаджудж и Маджудж¹¹, албулгар¹², ас-сақалиба¹³ и подобные им...»¹⁴.

Данное утверждение из «Пятого послания Чистых братьев» вполне отражает общий подход исламских ученых к систематизации климатов, но на практике эта схема подвергалась нюансировке. В частности, были разногласия в проведении границ четвертого климата, к которому относилось большинство стран Халифата. Если одни авторы (ал-Хорезми, Сухраб, ал-Мас'уди) считали центром четвертого климата Месопотамию с городом Багдадом, то другие (Ибн Русте, ал-Хамдани, ал-Мукаддаси, ад-Димашки) — раздвигали границы четвертого климата к северу так, чтобы центром мира стал иранский Хорасан, а Месопотамию помещали в пределы третьего климата¹⁵.

Привнесение в теорию климатов этногенетических сведений привело к тому, что климаты иногда могли рассматриваться как замкнутые области с ярко выраженной этнической доминантой. Так, например, географ X в. Ибн ал-Факих утвер-

ждал, что из семи климатов «один климат находится в руках арабов, климат — в руках румов¹⁶, климат — в руках ал-хабаша, климат — в руках индийцев, климат — в руках турок, климат — в руках китайцев и климат — в руках Йаджудж и Маджудж», причем «жители одних климатов не входят в земли других»¹⁷.

Наконец, было еще одно обстоятельство, способствовавшее быстрому выходу теории климатов за узкие рамки астрономической географии. Наряду с усвоением античных представлений о земном пространстве, арабские ученые восприняли и иранскую традицию деления Земли на семь зон-кишваров, под которыми понимались историко-географические области, сгруппированные вокруг Ирана как центра и изображавшиеся на картах в виде окружностей¹⁸. Поскольку иранские кишвары являлись таксономической категорией того же ранга, что и греко-арабские климаты, и по своему числу совпадали с последними, в арабоязычной географии они тоже стали называться «климатами». Это терминологическое тождество открывало возможность для переноса теории климатов в описательную географию и формирования на этой базе нового типа географического описания — зонально-климатического по форме и культурно-исторического по содержанию.

Наиболее выдающимся образцом сочетания теории климатов с описательной географией стало сочинение работавшего на Сицилии арабского географа середины XII в. ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Нузхат ал-муитак фи-хутирак ал-афак*, 1154 г.). Труд ал-Идриси представляет собой описание всех известных автору областей ойкумены, сопровождающееся подробной

⁹ Арабское наименование коренного населения побережья Восточной Африки.

¹⁰ Арабское наименование народов, населявших Северо-Восточную Африку.

¹¹ Арабское наименование библейских народов Гог и Магог.

¹² Арабское наименование волжских булгар.

¹³ Арабское наименование славян.

¹⁴ Цит. по: Арабские источники VII–X веков ... С. 180–181.

¹⁵ Эти разногласия детально проанализированы в статье: Ollson J.T. The world in Arab eyes: A reassessment of the climes in medieval Islamic scholarship // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2014. Vol. 77/3. P. 492–495.

¹⁶ Арабское наименование византийцев.

¹⁷ Цит. по: Арабские источники VII–X веков ... С. 70.

¹⁸ Tibbets G.R. The Beginnings of a Cartographic Tradition // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. 90–107.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

прямоугольной картой мира, которая не знает себе равных в средневековой исламской картографии по топонимической насыщенности¹⁹.

Взяв за основу описание земли по климатам, ал-Идриси, однако, отказался от каких бы то ни было астрономических принципов их выделения. Несмотря на то, что, по утверждению некоторых исследователей, на карте ал-Идриси можно обнаружить следы градусной сетки²⁰, в описательной части его сочинения нет никаких признаков ее использования. Принимая во внимание огромное количество данных, которыми оперировал ал-Идриси (по подсчетам К. Миллера, на прямоугольную карту нанесено около 2500 наименований, а в тексте сочинения их в два с половиной раза больше), можно сказать, что система климатов в его случае использовалась прежде всего для упорядочения собранного материала. Не случайно, каждый климат ал-Идриси — и это явилось его нововведением, — в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-секций (*джуз*'), равных по длине и ширине. Соответственно, описание географических объектов в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов — по секциям, с запада на восток.

Если группировка сведений по климатам создавала иллюзию целостного взгляда на мир, то в действительности за внешней климатической оболочкой скрывались принципы описания, подчи-

нявшиеся исключительно собственной логике. Текст ал-Идриси построен преимущественно по принципу «описания пути». Сообщения географа — это дорожники, основанные прежде всего на устной информации, отражающей такую систему пространственной ориентации, в которой местонахождение объектов определяется по отношению к воспринимаемому субъекту, неподвижному или движущемуся²¹. В различных частях описания можно заметить структурообразующие топонимы (чаще всего — наименования городов, реже — островов), относительно которых определяется положение целого ряда географических объектов. Так, при описании Черного моря неоднократно говорится, что оно «начинается» у Константинополя²², который служит отправной точкой при описании маршрутов каботажного плавания в черноморском бассейне. В рассказе о русских городах Поднепровья выделяются топонимы *Кāv* (Киев), *Баразула* (Треполь), *Барāsānisa* (Пересопница) и *Кйнийув* (Канев), каждый из которых является начальным или конечным пунктом для нескольких маршрутов²³. От города *Матраха* (летописная Тмутаракань) измеряются расстояния до целого ряда объектов: города *Рūsиййа* (Керчь), устья так называемой «Русской реки»²⁴, островов *Саранба* и *Анбала*²⁵. Острова *Саранба* и *Гардиййа* служат

77

¹⁹ Al-Idrīsī. *Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant"* / Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Una cum aliis ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. I–IX. В ряде рукописей сочинения ал-Идриси сохранилась и круглая карта мира, куда менее подробная, чем прямоугольная. О сочинении ал-Идриси см.: Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. С. 281–299.

²⁰ Dunlop D.M. Scotland according to al-Idrīsī, c. A.D. 1154 // *Scottish Historical Review*. 1947. Vol. 26. P. 115; Kennedy E.S. Geographical Latitudes in al-Idrīsī's World Map // *Zeitschrift für Geschichte der arabisch-islamischen Wissenschaften*. 1986. Bd. 3. P. 268; Ducène J.-Ch. Les coordonnées géographiques de la carte manuscrite d' al-Idrīsī (Paris, Bnf ar. 2221) // *Der Islam*. 2011. Bd. 86/2. S. 271–285.

²¹ Подробнее см.: Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006. С. 58–63.

²² Al-Idrīsī. *Opus geographicum*... P. 12, 831, 905.

²³ *Ibidem*. P. 912–913.

²⁴ «Русская река» — гидроним, созданный самим ал-Идриси и воплощающий представление о возможности пересечь Восточно-Европейскую равнину с юга на север по речным путям, см.: Коновалова И.Г. Топоним как способ освоения пространства: «Русская река» ал-Идриси // *Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (Исследования и переводы)*. М., 2010. С. 377–412.

²⁵ Al-Idrīsī. *Opus geographicum*... P. 909–911, 916. Наименования этих островов, а также упоминаемого ниже острова *Гардиййа* не поддаются идентификации.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

пространственными ориентирами при описании черноморских островов и прибрежных городов²⁶.

Таким образом, предпринятое ал-Идриси соединение теории климатов с описательной географией привело к отказу от каких-либо универсальных принципов разграничения при описании земли и к замене их на множество субъективных точек зрения на организацию того или иного пространства.

Геополитические границы и их иерархия

Наряду с теорией климатов исламские ученые при описании земного пространства использовали религиозно-политический принцип разграничения. Он так же, как и климатический подход, позволял представить себе всю ойкумену и выстроить иерархию ее частей, но только по другим основаниям. Окончание эпохи арабских завоеваний и последовавшее за ним ментальное освоение внутреннего пространства Халифата²⁷ выдвинули на первый план новую задачу — осмысление места исламских стран и народов в мировом геополитическом контексте. Ответом на этот запрос стала деятельность так называемой «классической школы» арабских географов, сформировавшейся в X в. под сильным влиянием персидских традиций представления земли как совокупности историко-географических областей.

Основателем этой школы считается среднеазиатский ученый ал-Балхи (ок. 850–934), сочинение которого в подлиннике не дошло до наших дней, однако послужило основой для произведений других ученых X в. — ал-Истахри и Ибн Хаукала²⁸.

Хотя для «классической школы» было характерно преимущественное внимание к описанию исламских стран, в сочинениях ал-Истахри и особенно Ибн Хаукала имеется немало сведений и о других областях ойкумены — о странах и народах Европы, а также немусульманских районах Азии и Африки. При этом, если в основном тексте их сочинений данные о немусульманских народах и государствах сообщаются лишь попутно, в связи с характеристикой тех или иных областей Халифата, то во введении к своим трудам, где дается общее описание всей ойкумены — стран, народов и морей, — географы излагают свои представления об устройстве мирового порядка и формулируют те принципы, на которых, с их точки зрения, этот порядок был построен.

Наряду с множеством «стран» (*билād*) и «земель» (*ард*), на которые разделен мир, ал-Истахри и Ибн Хаукал выделяют четыре «царства», или «империи» (*мамлака*), являющиеся столпами миропорядка: Халифат, которым управляет из Багдада повелитель правоверных (*амир ал-мӯ'минин*); Византия (*ар-Рӯм*), во главе которой стоит царь, живущий в Константинополе; Китай, правитель которого проживает в городе Кайфэн; Индия во главе с царем, резиденцией которого является город Канаудж²⁹.

Арабские географы сформулировали и принципы, на основании которых они относили ту или иную страну к категории «империй», в отличие от простых «стран» и «земель»: имперскую государственность, по их мнению, создает органическое сочетание религии (*дйн*), культуры (*адаб*) и власти (*хукм*)³⁰. И действительно, выделенные ими четыре империи в целом соответствовали цивилизационным ареалам, сложившимся на основе ислама, христианства, конфуцианства и индуизма. Конечно, эта картина миропорядка, описанная араб-

²⁶ Ibidem. P. 910–911.

²⁷ Об этом подробнее см.: Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. *Imagines mundi: Античность и Средневековье*. М., 2013. С. 147–157.

²⁸ Tibbets G.R. *The Balkhī School of Geographers // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward*. Chicago; London, 1992. Vol. II. Book 1: *Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies*. P. 108–111.

²⁹ *Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje*. Lugduni Batavorum, 1870. T. I. P. 4.

³⁰ Ibidem.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

скими географами, имела умозрительный, характер, далеко не во всем соответствовавший реальной политической карте мира середины X века³¹. Однако она позволяет очень отчетливо увидеть, каким границам между странами и народами исламские авторы придавали значение, а каким — нет.

Рассмотрим это на примере описания одной из империй — Византийской. В той идеальной модели миропорядка, которая существовала в представлениях арабских географов, Византия включала в себя все известные им христианские народы от Атлантики до Кавказа: «Что касается государства ар-Рӯм, то к востоку от него страны ислама, к западу и югу — Окружающее море, а к северу — границы Китая, так как то, что находится между тюрками и страной ар-Рӯм из славян и других народов, мы присоединили к стране ар-Рӯм»³². Дано и более детальное определение, относящее все западноевропейские страны к сфере влияния Византии: «Земля ар-Рӯм простирается от Окружающего океана до стран галисийцев, франков, Италии, Афин и до Константинополя, затем до земли славян»³³. А вот что говорится о странах Восточной Европы и Закавказья: «В государство ар-Рӯм входят пределы славян и соседних с ними русов, ас-Сарйр³⁴, алан, армян и [других народов], исповедующих христианство»³⁵.

Отметим, что в исламском мире IX – середины X в., если судить по историко-географическим сочинениям того времени, имелись довольно многочисленные сведения об организации власти и титулатуре владык у целого ряда

европейских народов. К примеру, было известно, что делами Рима руководит владыка, называемый *ал-бābā* (папа Римский), что у франков есть царь по имени *Қārлух* (Карл Великий), что правитель славян носит титул *кнāз* (князь), а правитель русов — титул *хāкāн* и т.п. Однако пестрота европейской политической карты представлялась арабским географам несущественной по сравнению с причастностью народов Европы к христианству: «Что касается того, что мы присоединили к странам ар-Рӯма [земли] франков, галисийцев и других [народов], то язык их различен, однако религия и государство едины, подобно тому как в государстве ислама языки различаются, а владыка один»³⁶. Точно так же, имея представление о лингвистических различиях между жителями Китая и окружающими его племенами тюрков, ал-Истахри и Ибн Хаукал считали их всех подданными одного государства — правителя Китая.

Последовательно проводя разграничение по принципу принадлежности или непринадлежности к категории империй, арабские географы, в свою очередь, наметили границы и внутри самого имперского сообщества. Центральное место в нем отводилось царству ислама. По словам ал-Истахри, «столпов государств на земле четыре: самое населенное, благоденствующее с лучшим политическим строем, порядком заселения и обилием сборов — государство Ирāншахр; центр его — вавилонский округ, оно же государство Фарса. Границы этого государства во времена персов известны; когда же появился ислам, оно у всех государств захватило часть. От государства румов оно захватило Сирию, Египет, Магриб и Андалус; у государства ал-Хинд — то, что примыкает к завоеванным землям, а также Мултан до Кабула и окраин горного Тохаристана; у государства синов — Мавараннахр и присоединило к себе эти обширные государства. Государство ислама возросло, собрав к себе окраинные области этих упомянутых госу-

³¹ Подробнее см.: Коновалова И.Г. Политическая география на средневековых исламских картах // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (Исследования и переводы) / Сост. и общ. ред. М.С. Петровой. М., 2012. С. 123–124.

³² *Bibliotheca geographorum arabicorum*. Т. I. P. 5.

³³ *Ibidem*. P. 8.

³⁴ Арабское название государственного образования на территории горного Дагестана.

³⁵ *Bibliotheca geographorum arabicorum*. Т. I. P. 4.

³⁶ *Ibidem*. P. 9.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

дарств»³⁷. То есть Византия, Китай и Индия представлялись не только столпами мирового порядка, но и отчасти тем фундаментом, на котором выросло царство ислама, ставшее самой совершенной из всех империй.

Уже из приведенного отрывка ясно, что и сам исламский мир стал полем разграничения. В качестве точки роста исламского государства авторы «классической школы» выделили Иран, несмотря на то, что местом зарождения ислама и исходным пунктом арабской экспансии был Аравийский полуостров и что все указанные ими территории (Сирия, Египет, Магриб, часть Испании, Пенджаб и Мавараннахр) были завоеваны Дамаским халифатом Омейядов, в котором персы занимали подчиненное положение. Выделение Ирана как центра исламского мира было связано с тем, что основоположники «классической школы», ал-Балхи и ал-Истахри, хотя и писали на арабском языке, но были этническими персами, выходцами — о чем говорят их *нисбы*, — из иранских городов Балха и Истахра. Укорененность в персидской культуре повлияла и на их представления о внутренней структуре Халифата, и на то, что географическое деление земли в их сочинениях, несмотря на формальное использование термина «климат», фактически было основано на системе иранских областей-*кишваров*.

Ираноцентричность картины мира, созданной представителями «классической школы арабских географов», особенно отчетливо видна на картах, которыми сопровождалась их сочинения. Количество и тематика карт, а также их порядок в сочинениях географов «классической школы» были строго регламентированы, а весь комплект карт получил наименование «Атласа ислама». Он включал в себя одну общую карту мира, карты трех морей — Средиземного, Персидского (Индийский океан) и Каспийского, а также 17 карт с изображением различных областей халифата: Аравии; Маг-

риба; Египта; Сирии; ал-Джазиры (Верхней Месопотамии); Ирака; Хузистана; Фарса; Кирмана; Синда; Армении, Аррана и Азербайджана; Джибала; Дайлама и Табаристана; Персидской пустыни; Сиджистана; Хорасана; Мавараннахра³⁸. Таким образом, из 17 изображенных областей халифата большинство относилось к Ирану и прилегающим к нему районам.

Разграничение как маркер нового

Для Восточной Европы IX — середины X вв. мы располагаем целым рядом систематизированных арабо-персидских описаний, в которых сведения о тех или иных границах не просто занимают большое место, но и позволяют проследить зарождение и становление на этом пространстве нового этноса и государства — Руси. То, что в данном случае исключительно важна именно фиксация границ, несомненно, так как разграничение — территориальное, этнокультурное, политическое, социально-экономическое, идеологическое — является неотъемлемой частью процесса политогенеза.

Хронологически первым и ключевым элементом образа ранней Руси в исламских источниках являются пути, по которым движутся русы — купцы, воины и дипломаты. Их центральное место в формировании образа ранней Руси вполне закономерно, так как именно перечисленные категории лиц являются наиболее подвижным элементом, оставляющим заметный след в пространстве.

Подробная картина путей, по которым перемещались русы, появляется в сочинении арабского ученого IX в. Ибн Хордадбега «Книга путей и государств» (*Kitāb al-masālik wa al-mamālik*). Рассказывая о трансконтинентальных торговых путях, Ибн Хордадбех сначала обрисовывает широтную ось мировой торговли, охватывавшую практически всю Евразию и Северную Африку, а

³⁷ Ibidem. P. 4.

³⁸ Tibbetts G.R. The Balkhī School... P. 114.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

затем показывает меридиональное направление торговых отношений, связывавших Восточную Европу с Византией, Хазарией и Ираком. Если широтные пути держали в своих руках купцы-иудеи, называемые Ибн Хордадбехом *ар-рāзāнийя*, то движение товаров с Севера на Юг, по его словам, контролировали купцы-русы. Ибн Хордадбех говорит о двух маршрутах, эксплуатировавшихся последними. Один из них шел из «наиболее отдаленных земель славян» к «Румийскому морю», во владения Византии. Второй маршрут вел по «Танису — реке славян» в хазарский город Хамлидж и в Каспийское море, где русы высаживались со своими товарами «на любом берегу», а иногда доходили оттуда до самого Багдада: «Что касается купцов рӯсов — а это вид (*джинс*) славян, — то они везут заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из наиболее отдаленных земель славян к Рӯмийскому морю, и берет с них десятину властитель ар-Рӯма. Если они отправляются по [Та?]нису, реке славян, то входят в Хамлидж, город хазар, и их властитель также берет с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджана и высаживаются на любом его побережье. Окружность этого моря — 500 фарсахов. Иногда они везут свои товары от Джурджана на верблюдах к Багдаду. Переводчиками для них являются славянские слуги. Они говорят, что они христиане, и платят подушную подать (*джизья*)»³⁹.

Интерпретация сообщения Ибн Хордадбеа обычно ведется в контексте нумизматических реконструкций торгового пути от Балтики до Багдада. И — соответственно — основное внимание уделяется самому маршруту купцов-русов. А вот откуда приходят русы, как правило, остается вне поля зрения и понятно, почему: Ибн Хордадбех ничего не говорит не только о стране русов, но и хотя бы о каком-либо месте их проживания. Ему известно лишь то, что русы везут свои товары из

«наиболее отдаленных земель славян», причем в Хазарию они попадают по «Реке славян», а о том, каким путем они добираются до «Румийского» моря, Ибн Хордадбех не сообщает. То есть на международном рынке русы появляются, можно сказать, из ниоткуда, и единственной частью пространства, маркируемой как «русская», оказываются сами торговые маршруты в Византию и на исламский Восток, по которым они идут. При этом по мере удаления от Багдада эти пути русов становятся все менее и менее отчетливым для их исламских контрагентов, теряясь где-то у «наиболее отдаленных земель славян».

Плотный «славянский» контекст сообщения о русах (везут товары из земли славян, плывут по «Реке славян», говорят по-славянски) не случаен: Ибн Хордадбех описывает русов через знакомый арабам этноним «славяне» и называет их «видом» славян, а обрисовывающий сходные торговые маршруты другой арабский автор Ибн ал-Факих (начало X в.) вообще не пользуется этнонимом «русы» и приписывает эти торговые маршруты славянам⁴⁰. Таким образом, до начала X в. внешний наблюдатель с трудом мог отграничить русов от славян. С одной стороны, Ибн Хордадбех подчеркивает особость русов, но с другой — тут же указывает, что это особость в рамках славянской общности («вид славян»), а для Ибн ал-Факиха выделенность русов из массы славян становится уже совсем неразличимой. Очевидно, что Ибн Хордадбех в лице русов описывает новый этносоциальный феномен, который именно в силу его новизны с трудом поддается описанию. О том, что это именно этносоциальный феномен, говорит то, что для описания русов как части славянской общности Ибн Хордадбех использует тот же самый термин *джинс*, что и для обозначения каст в своем рассказе об Индии⁴¹.

³⁹ Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. T. VI. P. 154.

⁴⁰ Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. T. V. P. 270–271.

⁴¹ Bibliotheca geographorum arabicorum. T. VI. P. 71.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

Благодаря интенсивным торговым связям Халифата с Восточной Европой в конце IX в. в исламском мире стали циркулировать первые сведения о месте обитания русов, на основе которых в арабо-персидской литературе X–XVI вв. сформировался устойчивый образ страны русов как «острова». Сопоставление дошедших до нас многочисленных версий этого рассказа показало, что их первоисточником была так называемая «Анонимная записка», составленная в конце IX в. и последовательно характеризующая следующие «северные народы» — печенегов, хазар, буртасов, болгар, венгров, славян, русов, жителей дагестанского царства Сарир, аланов⁴².

В отличие от сообщения Ибн Хордадбега, в рассказе об «острове русов» информация об их торговых путях занимает подчиненное место, а основное внимание уделяется показу русов, так сказать, у себя дома, в тех самых «наиболее отдаленных землях славян», откуда русы везут свои товары. В «Анонимной записке» обрисовано — вплоть до бытовых деталей — устройство общества русов в их локусе власти⁴³.

По словам автора «Записки», русы состоят из отдельных групп (*tā'ufa*, букв. «класс», «разряд», «группа», «религиозная община»), которые только перед лицом внешнего врага выступают солидарно, а между собой непрерывно соперничают. Описанный порядок разрешения таких споров позволяет считать, что какую-то роль во внутригрупповой консолидации играли кровнородствен-

ные связи: когда конфликтующие были недовольны приговором правителя, их спор разрешался путем поединка, за ходом которого наблюдали родственники с обеих сторон. Большинство переводчиков данного фрагмента передают термин *tā'ufa* как «род» или «племя», однако у этого слова есть и другие коннотации. Оно происходит от глагола *tā'afa*, обозначающего такие действия, как «обходить кругом», «совершать обход», а также «плавать», «держаться на воде». Это позволяет полагать, что в «Записке» говорится о русах-дружинниках. О том, что ее составитель имел в виду именно их, можно заключить по информации одного из вариантов рассказа об «острове русов», сохранившегося в составе персоязычного сочинения конца X в. «Пределы мира от востока к западу» (*Ḥudūd al-'ālam min mašriq ilā-l-maḡrib*), где отмечается, что среди русов есть «группа, отличающаяся доблестью и благородством», которую востоковеды рассматривают как воинов-дружинников, основным занятием которых были набеги на соседние народы⁴⁴.

Если на трансконтинентальных торговых путях IX — начала X в. русов еще можно было спутать со славянами, то в месте своего обитания они были отграничены от славян достаточно четко. В «Анонимной записке» русы противопоставлены славянам, прежде всего, по своему образу жизни: их единственное занятие — торговля рабами и пушниной, они сами ничего не производят, а все необходимое для жизни берут у славян силой. Мечи русов названы их основным «средством производства», а также единственной вещью, передаваемой по наследству рядовыми русами.

Однако отграниченность русов от славян была не абсолютной. Если социокультурно, экономически и политически русы славянам противо-

⁴² Об «Анонимной записке» см.: Göckenjan H., Zimonyi I. *Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ġayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ḥudūd al-'Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī)*. Wiesbaden, 2001.

⁴³ Фрагмент неоднократно переводился на русский язык, см. последний по времени перевод с библиографией: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М., 2009. С. 47–50.

⁴⁴ См.: Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и руси VI–IX вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1998 г. М., 2000. С. 310–311.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

поставлены, о пространственно-географическом разграничении между ними речь не идет⁴⁵.

В основе описания «северных народов» лежал хорографический принцип восприятия пространства, то есть понимание пространства как совокупности отграниченных одна от другой территорий, населенных теми или иными народами. Исходным пунктом описания «северных народов» для Анонима является Ургенч, от которого рассчитано расстояние до земли печенегов. В дальнейшем местоположение одного народа служит отправной точкой для локализации следующего за ним в описании. Так, рассказ о хазарах вводится в повествование через указание на расстояние хазар от печенегов; следующий за ним рассказ о буртасах — через указание на расстояние от хазар; описание болгар предваряется данными о том, как они расположены относительно буртасов и т.д. Единственным исключением из этой композиционной схемы является рассказ о русах. Он помещен между рассказами о земле славян и о царстве Сарир, но — вопреки принятому Анонимом принципу изложения — никак с описаниями этих народов не связан: ожидаемое указание на расстояние русов от славян отсутствует, а исходной точкой для локализации Сарира служит не «остров русов», а Хазария, от которой и отсчитывается расстояние до Сарира. Таким образом, местоположение «острова русов» в «Анонимной записке» остается совершенно неопределенным.

Следует обратить внимание на важную деталь в описании русов Анонимом — указание на то, что среди них нет землевладельцев («нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен»). Отсюда ясно, что территориализация власти в обществе русов в конце IX в. еще находилась в зачаточном состоянии, а само их государство в это время фактически являлось самоорганизованной

правлящей знатью. Об отсутствии какой-либо территории за пределами резиденции правителя, на которую бы распространялась власть русов, говорит и характер описания «острова», в котором не фигурируют ни названия его городов, рек, гор и других географических объектов, ни упоминания о внешних границах Руси. Вполне вероятно, что отсутствие информации о политических границах Руси конца IX в. и привело к формированию образа русской земли как «острова», то есть пространства, отделенного от остального мира естественными границами.

Если выйти за рамки рассказа об «острове русов» и обратиться к сообщениям о русах в других исламских источниках IX – первой половины X в., то мы увидим, что в них также нет никаких сведений о месте обитания русов, зато есть многочисленные указания на теснейшую связь русов со славянской средой.

Уже упоминавшийся Ибн Хордадбех, прямо называвший русов «видом славян», а также путешественник второй половины X в. Ибрахим ал-Йакуб отмечают славяноязычие русов⁴⁶. Ибрахим ибн Йакуб сообщает и о том, что русы и славяне совместно эксплуатируют торговые пути, ведущие в Польшу и Чехию⁴⁷, а по словам среднеазиатского энциклопедиста первой половины XI в. ал-Бируни, Волга в его время называлась «Рекой русов и славян»⁴⁸. Ал-Масуди (середина X в.), говоря о проживавших в Итиле язычниках — славянах и русах, — описывает их погребальный обычай как общий для тех и других⁴⁹, а также отмечает, что в гвардии

⁴⁵ Подробнее см.: Коновалова И.Г. «Остров русов» как географический образ / Журнал Исторический Вестник. Том первый [148]. Начало русской государственности. 2012. С. 40-51.

⁴⁶ Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik d'Abu 'Uбайд al-Bakri / Ed. A.P. Van Leeuwen et A. Ferre. Tunis, 1992. P. 336.

⁴⁷ Ibidem. P. 332.

⁴⁸ Абу-р-Райхан ал-Бируни. Избранные произведения / Вступит. статья, пер. и примеч. П.Г. Булгакова и Б.А. Розенфельда. Ташкент, 1976. Т. V. Ч. 1. С. 473.

⁴⁹ Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et trad. par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863. Т. II. P. 9.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

хазарского царя служат как русы, так и славяне⁵⁰. Анонимный автор «Пределов мира», говоря о славянском городе *Вабнит*, утверждает, что «некоторые из его жителей похожи на русов»⁵¹. В близком по времени к составлению «Анонимной записки» источнике другой языковой традиции, «Раффельштеттенском таможенном уставе» (904/6 г.), также имеется свидетельство о тесной связи русов и славян: согласно этому уставу, купцы-славяне, приходящие в Баварское Подунавье, приходили туда «от руси» (*de Rugis*)⁵².

То есть земля («остров») русов в описании исламских авторов предстает не чем-то внешним по отношению к земле славян, а напротив, тем, что бывает трудно отграничить от нее. В этом смысле «остров русов» следует рассматривать как часть земли славян, место, где формируется новая идентичность — русы. И географический образ «острова русов» эту новую идентичность и показывает *in statu nascendi*. О том, что это именно *новая* этничность, находящаяся в состоянии становления, говорят и слова ал-Мас'уди о том, что русы представляют собой конгломерат различных народов⁵³, и свидетельство «Повести временных лет» под 882 г. о том, что русью назывались «варяги, и словене, и прочие»⁵⁴.

Применявшаяся исламскими географами практика разграничения была рассмотрена нами в трех масштабах — мировом, региональном и страновом. Изложенный выше материал позволяет заключить, что разграничение выступало как универсальное средство и тогда, когда надо было структурировать данные, и тогда, когда их надо было интерпретировать. При этом формальное применение разграничения — как в случае с использованием теории климатов ал-Идриси — фактически обесценивало его системообразующую роль, выводя на первый план иные способы организации пространства. Последовательное же проведение принципа разграничения, помноженное на помещение его в контекст «гуманитарной» географии, открывало большие возможности перед исламскими учеными в плане этнокультурного и геополитического освоения земного пространства и осмысления места исламского сообщества в мире. Наконец, принцип разграничения обладал еще и эвристическим потенциалом, позволяя через проведение границ обнаружить и зафиксировать новые этносоциальные и политические реалии.

⁵⁰ Ibidem. P. 12.

⁵¹ Худūd ал-'алам: Рукопись Туманского / С введ. и указ. В.В. Бартольда. Л., 1930. Л. 376.

⁵² Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 64–65.

⁵³ Maçoudi. Les Prairies d'or. P. 18.

⁵⁴ Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 14.

